

А.Н. Покровский

Харьковский национальный университет радиоэлектроники,
к. филос.н., доц. каф. философии

ОТ АНТРОПОЛОГИИ И ФИЛОСОФИИ ТЕХНИКИ К ОНТОЛОГИИ ДЕЯТЕЛЯ И СРЕДСТВА

При сохранении актуальных тенденций значение технических компонентов в развитии цивилизации будет возрастать во всё большей степени. Для сущностного понимания динамики этого процесса концепты, выработанные в рамках теории «информационного общества», представляются малопригодными. Решение может быть обнаружено в принципиальной онтологизации проблемы деятель – средство.

Ключевые слова: философия техники, онтология средства, подручность, деятель.

А.М. Покровський

ВІД АНТРОПОЛОГІЇ ТА ФІЛОСОФІЇ ТЕХНІКИ ДО ОНТОЛОГІЇ ДІЯЧА ТА ЗАСОБУ

При збереженні актуальних тенденцій значення технічних компонентів в розвитку цивілізації має зростати у все більшому ступені. Для розуміння сутності динаміки цього процесу концепти, що були витворені у межах теорії «інформаційного суспільства», уявляються малопритатними. Рішення може бути винайдено в принциповій онтологізації проблеми діяч – засіб.

Ключові слова: філософія техніки, онтологія засобу, підручність, діяч.

A. Pokrovskiy

FROM ANTHROPOLOGY AND PHILOSOPHY OF TECHNOLOGY TO ONTOLOGY OF AGENT AND MEANS

While maintaining current tendencies importance of the technical components in the development of civilization will grow increasingly. For essential understanding of the dynamics of this process concepts elaborated in the framework of "information society" theory seem of little use. The solution can be found in the fundamental ontologization of the problem ligament agent – means.

Key words: philosophy of technology, ontology of means, handness, agent.

Постоянное расширение пространства применимости технических решений уже длительное время является объектом глубокого изучения в рамках Западной философской традиции. Такое расширение, само по себе уже представляющее одну из важнейших проблем современности, сопровождается интенсивным ростом сложности технических решений, их функциональной комплексности и универсальности. Несомненно, что при сохранении актуальных тенденций в социально-культурном, научном и технико-технологическом развитии значение технической компоненты в аппарате обеспечения общественного существования будет возрастать во всё большей степени. Особенно если учесть, что технические решения подразумевают не только традиционные машинные автоматизированные инструменты, но и социальные структуры, построенные на основе алгоритмических схем и являющиеся по своей сути техническими комплексами.

Такое глубокое понимание сущности техники и многоаспектности её связей с человеком характерно для философии техники первой половины XX столетия: проблема соотношения дух – машина в работах Н.А. Бердяева, техника как средство самореализации человека в представлениях Х. Ортеги-и-Гассета, концепция аппарата обеспечения общественного существования К. Ясперса. Однако в целом в рамках экзистенциальной традиции акценты в анализе техники традиционно были смещены в область антропологической проблематики. В рамках антропологии были разработаны

глубокие концепции принципиальной техничности человеческой культуры («техники тела» М. Мосса).

Философия техники второй половины XX столетия, особенно в Германии, рассматривала социальные аспекты технического прогресса. В последней трети XX века сформировались техногенные по своей сути концепции «постиндустриального» и «информационного» обществ, подразумевающих однозначную детерминированность социальной системы изменениями в сфере техники и технологии.

Большинство исследователей однозначно признавали влияние используемых технических средств на пользователя, но влияние это описывалось чаще всего в механистической парадигме, что максимально проявилось в наиболее «современных» концепциях «информационного» общества, которые, по сути, игнорируют глубокие идеи философии техники первой половины XX столетия. Однако именно современный этап развития техники требует не только максимально широкого привлечения всего спектра выработанных инструментов и подходов для анализа феномена техники, но и интенсивной работы по их углублению, прежде всего в области онтологии, где хорошим примером могут служить идеи М. Хайдеггера.

С точки зрения онтологии техники человеческое бытие-в-мире – это деятельностное пребывание в среде, в рамках которого техника выступает в качестве своеобразного «суперпротеза», расширяющего функциональность человеческого тела в самом широком понимании. Причём это расширение человеческой телесности путём подчинения себе окружающего мира принципиально выделяет человека из всех других живых существ, так как человек обладает способностью к техническому творчеству, то есть не только реализует в своей деятельности технические алгоритмы, на что способны и животные, но и творит новые *технологии*, посредством которых изменяет как себя, так и окружающую среду.

Человек заведомо подразумевает результат, невозможный при наличных условиях, и вырабатывает проект такого манипулирования доступными средствами, чтобы максимизировать вероятность реализации желаемого исхода. Наиболее продуктивные способы такого манипулирования могут быть закреплены в устойчивых искусственных стратегиях деятельности (культура). При этом техника выступает *и* как инструментальное средство вспоможения, *и* как способ фиксации уже освоенного, рутинизированного уровня практики в виде стандартных решений (алгоритмов), «автоматически» применяемых в стандартных ситуациях. Примером здесь может быть техника письма.

Если культуру рассматривать как способ существования человеческих популяций, то техника может быть описана как комплекс приобретённых (выработанных) «рефлексов», отвечающих за базовую адаптацию к среде существования. Освоение наиболее распространённых и часто применимых техник является необходимым условием успешной адаптации человека, но уже не столько к природным условиям, сколько к социальной среде, посредством которой он приобретает вторичную приспособленность и к природной среде. При этом распространено мнение, что технические последовательности алгоритмизированных операций с инструментами и ресурсами – *пассивный* элемент человеческой практики, а его автономизация рассматривается как частный случай, побочное следствие неких негативных антропологических тенденций. Подразумевается, что человек исчерпывающе определяет направленность технических решений, а любое отклонение является следствием несовершенства самого деятеля^[1].

Здесь проявляется первая существенная проблема: само человеческое тело является техническим объектом, для эксплуатации и развития которого необходимо овладеть массивным комплексом техник, относимых к базовым элементам культуры. То же можно сказать и о духовной практике, даже если не рассматривать её исключительно как продукт биохимических процессов в нервных тканях: разумная деятельность немислима без овладения техническим по своей природе базисом языковой практики. Отсюда следует, что на индивидуальном уровне именно наличные в данной культуре техники

обуславливают процесс формирования индивида. На зрелых стадиях своего развития личность может переходить к активному автономному конструированию решений, но это возможно лишь на основе ранее освоенного технического базиса.

Современные технологии коммуникации и социальной инженерии создают иллюзию выхода определённых малых групп или даже индивидов за рамки социальной обусловленности, так как предоставляют средства для *произвольного* конструирования *коллективных* стандартов. Но такое представление всё же нужно считать поверхностным, потому что сама возможность такого влияния основывается исключительно на использовании сложнейших технических инструментов и только при условии глубокой технизации самой социальной системы. В результате необходимо должен формироваться столь массивный технико-технологический комплекс, что вариабельность решений любой группы влияния сводится к чисто номинальному выбору предзаданных самой технической структурой вариантов.

То есть действительной автономией по отношению ко всему комплексу технического базиса человеческого бытия обладает общественная система в целом. Роль индивида при этом заключается в активном творческом освоении этого базиса и выходе на его верхние уровни с последующим включением в культуротворческий процесс.

Вторая значимая проблема состоит в рассмотрении любой «рациональной» человеческой деятельности в категориях *целесообразности* и *эффективности*. Целесообразность понимается как соответствие получаемых результатов изначальным целям, а эффективность – как степень минимизации значимых издержек. При этом традиционные представления разделяют проблемы целесообразности и эффективности, говоря о *целях* и *средствах* их достижения, относя цели к разряду ценностных категорий, то есть к этике, а средства – к области инструментальной, собственно технической. Такое разделение, выполняющее важную категориальную функцию, всё же значительно затуманивает онтологический срез проблемы, так как выносит проблему целей за рамки непосредственного рассмотрения, оставляя её в области проблем человеческого духа.

В действительности степень сложности и искусственности средства обратно пропорциональна вариабельности его использования, то есть накладывает ограничения на область возможных целей его применения, что в максиме и приводит к феномену техногенности.

Важнейшим элементом онтологии технического решения является его *подручность* (функциональность), то есть способность обеспечивать достижение цели, оптимально используя доступные ресурсы и наличные инструменты. Оптимальность возникает в результате процедурного закрепления наиболее сообразной последовательности действий (алгоритма). При этом подручность фундируется, с одной стороны, в особенностях физической и социальной природы деятеля, причём эти параметры могут сильно различаться даже от индивида к индивиду как в плане телесности (антропометрические особенности), так и в духовном плане (отличия в уровне компетентности, ценностях). С другой стороны, подручность необходимо включает в себе наличие определённых условий среды, ресурсное обеспечение. Вся совокупность этих факторов создаёт определённый *контекст* подручности, который оказывается имплицитно включенным в онтологию средства: средство подручно в той степени, в какой в данный момент может быть воспроизведен породивший это средство контекст, породивший онтологию средства.

По мере возрастания сложности используемых технических решений (средств), всё в большей степени проявляется принципиальная разница в положении *творца* и *пользователя*. Эта разница стала особенно значимой в Новое время в связи с качественным ростом сложности и комплексности применяемых средств. Формально и творец, и пользователь задействуют подручность средства, но их онтологический статус по отношению к средству может принципиально различаться.

Для *творца* контекст средства, порождающий его подручность, является следствием редукции и последующей формальной фиксации некоего целостного

личностного *представления*, сформированного в рамках определенного мировоззрения и познавательной практики. Причём представление это, что очевидно, всегда *полнее* последующего редуцированного остатка. Творец, сводя всё многообразие своих представлений в подручности данного средства, воплощает его в алгоритмических схемах, подлежащих реализации в конкретном техническом решении. Этот конкретный способ реализации творческой потенции всегда является только *одним из* возможных способов интерпретации концептуального проблемного поля, которое само по себе так же не является строго заданным. Пространство произвольных интерпретаций остаётся открытым, благодаря чему всегда есть возможность дальнейшего совершенствования решений, прежде всего благодаря расширению контекста и развитию потенций творца.

Пользователь находится в совершенно ином онтологическом статусе, так как его отношение с подручностью средства имеет односторонний характер: подручность средства вводит пользователя в заданный контекст, навязывая ему определённый способ интерпретации, без чего становится невозможным задействование подручности средства. Если для творца средство – это результат произвольной интерпретации, то для пользователя средство является источником *ограничения* интерпретации. Конечно, в действительности у пользователя всегда есть определённая свобода интерпретации, но важно отметить, что свобода эта сильно зависит от нескольких условий.

Прежде всего, значение имеет несоответствие между актуальной компетентностью пользователя и комплексной сложностью средства, которая включает в себя онтологический контекст его подручности. В случае значимого разрыва между требуемой и наличной компетентностью свобода пользователя заключается лишь в *отказе от использования* или в *полном принятии* подручной функциональности средства и лежащей в её основе алгоритмистики: либо реальность понимается через призму онтологического контекста подручности средства, либо средство не может быть задействовано. Конечно же, всегда остаётся возможность «замещающей» интерпретации, когда пользователь превращается в творца, задающего собственное поле интерпретаций, но при этом заложенная изначально функциональность средства игнорируется, теряет свою онтологию. Такое поведение часто встречается у детей и первобытных народов, наделяющих незнакомые им искусственные объекты произвольным содержанием. Но в этом случае средство вырождается в «вещь-в-себе», теряя свою подручность; в худшем случае «скрытая» подручность может быть задействована произвольно.

В социальной плоскости большое значение имеет то, что подручная функциональность средства может выступать как значимое и измеримое преимущество, овладение которым может кардинально изменить положение пользователя в конкурентной среде. Особое значение этот фактор имеет в условиях нехватки времени или ресурсов, острой конкурентной борьбы, когда возможно более быстрое овладение подручностью средства расценивается как важнейший формальный фактор успешности, а все остальные факторы, тем более не поддающиеся чёткому измерению (например, социальные издержки) могут оставаться без внимания.

Так как в современных условиях имеют место всё более широкая детерминированность общественной системы капиталистической конъюнктурой и деградация системы массовой социализации, можно утверждать, что влияние обоих указанных факторов должно нарастать. Акцентирование прежде всего формальных характеристик сводит на нет значение любых не выразимых в дискурсе эффективности параметров действия. Деятель включается в конкурентную борьбу, успех которой в основном определяется технической оснащённостью, обеспечивающей максимальную эффективность, так как все остальные измерения оценки деятельности потеряли свою значимость, а калькуляции подвергаются только экономически выразимые издержки.

Не меньшую проблему составляет и стремительное нарастание *разрыва компетентности*, то есть разрыва между *реальной* и *необходимой* базовой компетенцией пользователя, ведь такой разрыв чреват не только очевидными рисками, но и более

глубокими последствиями, которые могут приобретать кумулятивный эффект. Речь здесь должна идти о том, что *разрыв компетентности* необходимо порождает острую потребность в его компенсации. Традиционно такая компенсация происходила путём качественного совершенствования систем социализации, что позволяло повышать до определённого минимального уровня среднюю компетенцию. Этот путь в современных реалиях представляется весьма тернистым.

Другой путь компенсации разрыва компетентности – дальнейшее или даже опережающее наращивание технического аппарата, функциональность которого должна сгладить конфликт между комплексной сложностью существующих технико-технологических систем и необходимостью их прикладного задействования пользователем. Этот путь представляется более реалистичным, тем более что он уже получает реализацию, примером чего является интенсивное внедрение современных («интуитивных») интерфейсов: подавляющая часть процессов скрыта от пользователя, которому для контроля предоставлены лишь самые общие и притом редуцированные параметры управления.

В этой ситуации указанная проблема онтологического контекста средства приобретает принципиальное значение: когда компетентность пользователя ограничена лишь предоставленным ему интерфейсом, а функционирование средства скрыто от *непосредственного* наблюдения^[2] (а, значит, и контроля), происходит кардинальное изменение онтологического статуса пользователя. Благодаря подручной функциональности средства пользователь получает доступ к решению задач, сама актуализация которых для его онтологии возможна только в рамках онтологии задействованного средства. То есть новая область бытия раскрывается деятелю исключительно в рамках функциональности средства.

В таком наращивании технической оснащённости деятеля, собственно, и состоит суть технологического прогресса, и вся история становления и развития человека непосредственно связана с развитием средств, задействование которых рутинизирует решение определённых типовых задач, создавая тем самым предпосылки для выхода на новые уровни концептуализации проблем. Однако в современных условиях процесс перешёл в качественно новую фазу, когда комплексная сложность задействуемых *искусственных* средств принципиально недоступна актуальному освоению рядовым пользователем, а их автоматизированность позволяет задействование даже без необходимого минимального уровня компетенции. И такое положение, очевидно, наблюдается впервые за всё время существования человека.

В данном случае искусственность средства имеет принципиальное значение, так как такое средство изначально является продуктом абстрактного проектирования, то есть необходимо содержит в себе все особенности и издержки того процесса познания, в результате которого оно было продуцировано. Использование *естественных* систем путём перенаправления их функционирования в необходимое деятелю русло, очевидно, имеет принципиально иную онтологию, так как основано на эксплуатации самосогласованных механизмов, обратные связи в которых обеспечивают полную динамическую устойчивость процессов^[3]. Такие системы навязывают деятелю естественную оптимальность, вынуждая совмещать целевые установки с потенциальной функциональностью естественных процессов. По мере развития техники целевая установка начинает освобождаться от объективной детерминированности естественными процессами, а технология превращается в средство активного конструирования реальности и законов её функционирования: не «раскрытия потаённого», а моделирования потребного.

Как следствие, искусственные технические комплексы обладают абсолютной подручностью, по причине чего являются идеальными инструментальными средствами, использование которых по умолчанию не подразумевает учёт тех факторов, которые не предусмотрены их структурой. Очевидно, что именно эта свобода от «избыточности»

естественных систем обеспечивает качественный рост формальной эффективности искусственных систем, но она же является и главным фактором риска, так как именно «скрытые» параметры, которые не подлежат мониторингу в силу их неучтённости в базовых алгоритмах, но, тем не менее, имеющие действительное влияние на протекание процессов, становятся причиной неадекватного функционирования^[4].

При этом понятно, что речь идёт не об утрате человеком неких контролирующих функций (что так пугает многих), а об утере человеком своего интегрального онтологического статуса, одно из главнейших измерений которого – свобода. Хотя и чисто техническая проблема осуществления *непосредственного* контроля над искусственными системами, сложность и быстрдействие которых превосходят любые *мыслимые* масштабы, является весьма актуальной. В современных условиях контроль над функционированием сложных искусственных систем становится не менее – а зачастую и более – важной задачей, чем поддержание работоспособности самих систем. Для решения задач контроля наиболее вероятным – при сохранении существующего вектора развития – представляется дальнейшее интенсивное внедрение всё более сложных экспертных систем, что, очевидно, в перспективе не решает, а лишь усугубляет проблему.

Отдельные технические решения встраиваются в уже существующий технический комплекс, и их функционирование подразумевает наличие множества смежных дополняющих систем, что в условиях всё большей специализации и роста сложности меняет онтологический статус не только пользователя, но уже и творца. Уровень актуальной концептуальной проблематики (и, значит, передовых средств) в настоящее время крайне удалён от профанного уровня, под которым можно подразумевать тот средний уровень компетенции, который характерен для среднего индивида, не имеющего в данной области специальной подготовки.

В этом пункте с особой очевидностью и проявляется проблема онтологического контекста средства, ведь контекст этот формируется в процессе длительного, часто многопоколенного кумулятивного наращивания концептуальной матрицы и алгоритмов технико-технологической реализации. При этом действительную компетенцию, которая бы была адекватна комплексной сложности задействуемых средств, деятель может приобрести лишь при овладении онтологическим контекстом средства. Но для полного освоения таких масштабных структур требуются колоссальные временные, интеллектуальные и, зачастую, материальные ресурсы, вполне представимые в качестве издержек, поддающихся калькуляции. Очевидно, что в массовом масштабе подобные издержки немыслимы в условиях доминирующей социальной структурой.

При сохранении существующей динамики, ситуация, когда комплексная сложность задействуемых средств значимо превосходит актуальную компетенцию деятеля, будет не только сохраняться, но и усугубляться. Следствием этого нарастающего разрыва компетенции неизбежно становится качественный сдвиг в онтологическом статусе человека. Пассивное использование подручности средства необходимо сокращает возможности свободной интерпретации ситуации, так как изначально сама ситуация актуализируется посредством средства. То есть именно функциональность средства, способность средства быть инструментом решения определённых типовых задач, навязывает пользователю определённую трактовку реальности, а постоянное использование формирует устойчивый стереотип. Дальнейшая интерпретация реальности обуславливается наличным ассортиментом стереотипных средств, для задействования эффективной подручности которых от деятеля требуется только одно: свести описание реальности к этому набору стереотипов. Как следствие, онтология средства встраивается в способ бытия деятеля, становится *его* онтологией.

© Покровский А.Н., 2012

^[1] Такая точка зрения идеально вписывалась в рамки западноевропейского экзистенциализма и значительно сдерживала возможный углубленный анализ техники в онтологической плоскости. Видимо, подобные представления зачастую лежат и в основе распространённого технократического стремления изолировать человеческую субъективность, передать принятие важных решений техническим системам.

^[2] Что, чаще всего, является нормой в случае современных сложных технических систем, причём речь идёт, в том числе, обо всех компьютеризированных системах, алгоритмистика которых не только объективно сложна, но зачастую закрыта от несанкционированного доступа.

^[3] Показательным примером здесь может быть традиционная селекция, которая сформировалась помимо каких либо научных знаний о геноме, и генная инженерия, которая внедряет в естественные механизмы искусственно сконструированные алгоритмы.

^[4] Здесь речь идёт не столько о частных авариях или катастрофах, сколько о функционировании макросистем, таких, как, например, экономическая система. Функционирование элементов этой системы основано на определённых аналитических моделях, которые вплоть до настоящего времени игнорируют такие принципиальные – в рамках более широкого контекста – факторы, как исчерпаемость ресурсов и экологические издержки, не говоря уже об издержках гуманистических. В то же время, антропология убедительно показала, что многие первобытные культуры выработали замечательные стратегии сбережения среды существования, даже не имея в своих языках соответствующих понятий.